

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРИЦАНИЯ

© 2022 Анохина С.П.

Тольяттинский государственный университет (ТГУ), г. Тольятти, Россия

Предметом анализа настоящей статьи являются тексты политических порицаний как публичных макроречевых актов. Методологическая основа исследования представлена сочетанием теории речевых актов и дискурс-анализа, что позволило описать следующие дискурсивные стратегии, представленные в нашем эмпирическом материале: перформативные маркеры осуждения, языковые стратегии, интенсифицирующие смысл «правонарушение», стратеги, призванные узаконить правомочность осуждающей стороны. В ходе анализа определена природа основных дискурсивных функций политических порицаний: функция призыва к действиям, адресованная стороне-правонарушителю, а также обеим конфликтующим сторонам, которая носит рекуррентно-кумулятивный характер; функция привлечения внимания и занятия позиции – которые носят сингулярный характер и представлены во всех текстах в различных сочетаниях друг с другом или с функцией призыва к действию. Результаты анализа позволили определить публичные макроречевые акты политических порицаний как ядро демонологической модели внешней политики.

Ключевые слова: политическое порицание, правонарушение, дискурсивная стратегия, дискурсивная функция, публичный макроречевой акт.

Центральное место в современной лингвистике занимает изучение речевой деятельности человека, которая является важнейшей частью его жизнедеятельности. В фокусе исследований языковой коммуникативной системы находится взаимодействие смысла и способов его выражения как основы функционирующего языкового механизма [1, 2]. В связи с этим актуальность настоящей работы видится в необходимости системных исследований в области теории речевого взаимодействия институализированных субъектов публичного дискурса. Экстралингвистическим фактором, определяющим актуальность настоящего исследования, является ситуация конфронтации субъектов международного права, острота которой в настоящее время очевидна.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что публичные речевые акты политического порицания исследуются в рамках демонологической модели внешней политики США и Западной Европы в отношении России.

Сущность демонологического подхода к внешней политике раскрыта Г. Моргентау, согласно которому необходимо установить индивидуумов или группу индивидуумов

как источник зла, что даёт понимание причинной связи, которая ведёт от индивидуумов к социальной проблеме; это очевидное понимание предлагает очевидное решение: устранить индивидуумов, «ответственных» за зло [18].

В настоящей статье предпринимается анализ дискурсивных характеристик текстов, представляющих собой политические порицания действий России в отношении, главным образом, Украины. Несмотря на многочисленную литературу в области политической лингвистики [3 – 9, 17, 19] политические порицания остаются на периферии исследовательских интересов, в частности, их изучение как целостных речевых произведений, т.е. как «единое целое – как один глобальный речевой акт или макроречевой акт» [2].

В зарубежной литературе исследованию речевых актов порицания относительно нарушения прав человека посвящена работа З. Кампфа и Т. Катриель [15]. В более широком контексте следует отметить работы, касающиеся тех или иных аспектов обвинительной речи [12, 14, 16].

Акты политического порицания являются такой частью внешнеполитического дискурса, в которой, согласно Р. Лакофф [17],

запечатлено отношение речевых актов к социальным нормам и ценностям.

В прагматическом плане политические порицания пресуппонируют факты нарушения неких законодательных норм и служат знаком отступления от общепринятой морали, что позволяет трактовать их как экспрессивные речевые акты [24]. Политические порицания представляют собой публичные речевые акты в силу своей адресной структуры [19]: их адресат – транснациональная публичная сфера, «жителям» которой они напоминают о том, что хорошо и допустимо, а что считается плохим и подлежащим санкциям.

Отнесение политических порицаний к макроречевым актам основывается на том, что они соответствуют всем характеристикам для трактовки высказывания как речевого акта вообще [24], которые конкретизируются для них следующим образом: адресант:

1) определяет совершённое действие как нарушение нормы или правовое нарушение (предварительное условие);

2) указывает на негативные последствия данного действия и отмечает, что он (она) не поступил бы таким образом (условие искренности);

3) вербализует правонарушение (пропозициональное условие);

4) использует языковые средства со значением порицания (существенное условие) [15].

На основании данных положений в работе указанных авторов даётся следующее развёрнутое определение политическим порицаниям: политические порицания – это речевые акты, которые структурируются в терминах нормативных скриптов и воплощаются в ритуальных моральных дискурсах, включающих дистанцирование адресанта и осуждение. Они выражают негативную оценку действий, предпринятых членами международного сообщества, что даёт право высказаться осуждающей стороне с целью ещё раз подтвердить свою приверженность к моральным нормам, которые они считают универсальными регулятивами человеческой деятельности, а также определяют отношение между осуждающей стороной и стороной, которая рас-

сматривается как преступившая основополагающие моральные принципы. Таким образом, адресант выражает свою солидарную позицию или, напротив, отмежевывается от политиков, действующих на международной арене [ibidem].

Материалом нашего исследования послужили пресс-релизы заявлений политиков Австралии, Великобритании и США, содержащих критику действий России по отношению к Украине. Такой подбор текстов, с одной стороны, позволяет проследить различия в дискурсивных функциях текстов и дискурсивных стратегиях порицающей стороны в зависимости от: 1) её позиции: третья сторона в конфликтной ситуации или аффилированная с пострадавшей; 2) статуса пострадавшей стороны: государство, организация или частное лицо. С другой стороны, позволяет выявить такие характеристики, которые являются общими для них, помимо того что все они представляют собой публичные макроречевые акты.

Основными дискурсивными стратегиями в политических порицаниях являются: 1) перформативные маркеры порицания; 2) языковые средства, интенсифицирующие смысл «правонарушение»; 3) стратегия, призванная обосновать полномочия порицающей стороны [15].

В нашем эмпирическом материале наиболее частотным перформативным маркером порицания является глагол *to condemn*: *Bipartisan senators condemn Russia's crackdown on Radio Free Europe/Radio Liberty* [11]; *Australia condemns the aggression* [10]; *UK condemns arbitrary detention of Alexey Navalny* [20]; *The United States condemns today's decision by President Putin* [22]; *The United States condemns this aggressive Russian action* [22].

Несколько реже используются глагол или существительное *concern*: *Australia is concerned by this escalation of tensions in the Sea of Azov in November 2018* [10]; *The United States expresses its deep concern over the incident in the Black Sea ...* [21], а также отрицательная форма глагола *to recognize*: *Australia does not recognize any actions seeking to legitimize the annexation of Crimea...* [10]; *The United States does not and will not ever recognize Russia's claims over the penin-*

sula [13]. Единичным является употребление словосочетания *to stand in opposition*: *Australia stands united with our partners in opposition to Russia's continued aggression against Ukraine ...*[10] и глагола *to reject*: *The United States rejects Russia's attempted annexation of Crimea* [13].

Частотность перформативных маркеров позволяет сделать следующий вывод: чем проще семантическая структура языковых единиц, выражающих политическое порицание, т.е. чем меньше в них коннотативных сем, тем чаще их использование.

Данная стратегия в большинстве случаев выступает в сочетании с языковыми единицами – интенсификаторами: прилагательными и наречиями: *deep concern, highly provocative action, brutally silencing critics, severely limit*. Наряду с этим данная стратегия сопровождается перформативными маркерами призыва к действию, как правило, в ассертивах с глаголом *to call on/for*, а также и в директивах с глаголами *to urge, should*. В этом отношении показателен текст политического порицания по поводу противоправных действий относительно радиостанций «Радио Свобода» и «Свободная Европа»: здесь представлены только эти перформативные маркеры. Призывы относятся к различным адресатам: как правило, к властям осуждаемой стороны: *... we call on Russian authorities to drop the groundless cases ...; We call on Putin's government to end its attacks on the press* [11]. *And the Russian authorities should investigate and explain the use of a chemical weapon on Russian soil* [20]. Адресат может быть выражен синекдохой *toto pro parte* – наименованием страны: *US senators ... issued a bipartisan call for Russia to halt its crackdown on Radio Free Europe/ Radio Liberty* [11]; *We call on Russia to respect Ukraine's sovereignty* [10]. Третья сторона обращается с призывом к обеим конфликтующим сторонам: *We call on both parties to exercise restraint and abide by their international obligations and commitments* [21]; обе стороны могут быть представлены главами государств: *We urge Presidents Poroshenko and Putin to engage directly to resolve this situation* [21].

Как следует из приведённых примеров, в содержательном плане призывы разделя-

ются на две группы: 1) совершить определённые действия для разрешения конфликта или для восстановления правовых норм; 2) прекратить определённые действия в тех же целях. Следует отметить, что в нашем материале преобладает первая группа.

Языковые стратегии, интенсифицирующие смысл «правонарушение», классифицируются также на два вида по критерию «аспекты адресата» [23], к которым относятся порицание: действия и его характеристики, т.е., ориентированные на деятельность адресата и ориентированные на само действующее лицо, включая и выражение деятеля по синекдохе *toto pro parte* – наименованием словами «страна, государство» или именами собственными. Ещё одним критерием является предмет порицания: 1) нарушение норм международного права; 2) нарушение прав и свобод человека.

И данные стратегии могут быть использованы в отношении тех же типов адресата, к которым относились призывы. Например, в следующем фрагменте подвергается осуждению единичное действие адресата-лица. Это действие позволяет порицающей стороне использовать языковые средства, усиливающие смысл «правонарушение»: *The United States condemns today's decision by President Putin to provide expedited Russian citizenship to Ukrainians living in Russia-controlled eastern Ukraine. Russia, through this highly provocative action, is intensifying its assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity* [22]. Заметим, что в последнем предложении приведённого фрагмента осуждаются не единичные действия, а длительная институциональная политика.

Как правило, осуждаемое единичное действие рассматривается в качестве факта, подтверждающего неправомерную длительную институциональную политику, т.е. указывается на нарушение и прав человека, и норм международного права: *Russia has forcibly conscripted nearly 20,000 Crimean men, in violation of international law* [13]. *Reports that Russian vessels rammed and fired on the Ukrainian ships, injuring Ukrainian crewmen, before seizing vessels, represent a dangerous escalation and a violation of international law* [21]. В функции интенсифи-

каторов смысла «правонарушение» может выступать и лексика с отрицательным оценочным значением, как, например, вышеприведённое assault, а также: The United States condemns this aggressive Russian action [21].

При порицании длительной институциональной политики преимущественно употребляется оценочная лексика: repression, assault, serious obstacle; conflict; annexation; occupation; restrictions; criminalization; abuses; invasion; illegal actions. Индикаторами длительной деятельности является лексика с соответствующим значением: Russia's continued aggression against Ukraine; It is now up to Russia to decide whether it wants to continue to escalate tensions ... Six years on, Russia continues to rely on lies and disinformation in its failed attempt to legitimize the illegitimate.

Из приведённых примеров следует, что осуждение касается нарушения норм международного права. К этой стратегии обвиняющая сторона прибегает чаще всего. Другие стратегии акцентируют или невиновность жертв, или их страдания:

Over 80 individuals from Crimea, including members of The Crimean Tatar community, have been imprisoned by Russia – and some subjected to torture. Members of the Crimean Tatar community continue to experience unjustified raids on their homes and mosques, surveillance and intimidation by occupation authorities. The United States calls on Russia to free all Ukrainians it has wrongfully imprisoned in retaliation for their peaceful dissent [13].

Встречается и такая дискурсивная стратегия, как указание на отрицательные последствия данного правонарушения для достижения всеобщего мира, безопасности и свободы, а также для восстановления прежнего status quo:

President's Putin's decision creates a serious obstacle to the implementation of the Minsk agreements and the reintegration of the Donbas region [22]. Russia's occupation of Crimea and its increasing militarization of the peninsula is a threat to our common security [13].

Стратегии, ориентированные на деятеля, реализуются несколькими языковыми сред-

ствами: идентификация России как правонарушителя: This is a state-sponsored assault on media freedom [11]. Выражение длительных злостных намерений в сочетании с первым способом: Russian occupation authorities continue their assault on human rights and fundamental freedoms [13], или только первое: The United States condemns Russia's illegal actions in Crimea and its continued aggressive actions against Ukraine [13].

Ортодоксальным случаем выражения стратегии, ориентированной на деятеля, является «демонологизация» главы государства: Since coming to power more than 20 years ago, Vladimir Putin has consolidated control of the independent media, passed laws to punish those who criticize his regime, and jeopardized the safety of reporters and other members of the press [11].

Дискурсивное структурирование стратегии обоснования полномочий стороны выносить критические суждения в нашем материале эксплицируется номинациями высокопоставленных должностных лиц, облечённых полномочиями выступать от имени государства или его властных органов, наименования которых присутствуют в их высказываниях: Australian foreign minister Marise Payne: Australia stands united with our partners in opposition to Russia's continued aggression against Ukraine [10]. Foreign Secretary Dominic Raab: UK condemns arbitrary detention of Alexey Navalny The UK government calls for his immediate and unconditional release [20]. Morgan Ortagus, Department Spokesperson; Michael R.Pompeo, Secretary of State: ... and the United States reaffirms: Crimea is Ukraine [13]. The United States expresses its deep concern over the incident in the Black Sea [21].

В отдельных случаях осуждающая сторона идентифицируется как члены определённого государственного органа: «As members of the Senate Foreign Committee, we call on Russian authorities...» [11], или указывается источник, не вызывающий сомнения в доказательности приводимых фактов: According to the Committee to Protect Journalists, at least 25 Russian journalists have been killed for their work since 2000 [11].

Публичные макроречевые акты политического порицания выполняют следующие

дискурсивные функции: призыв к действиям, апеллирование к осознанию фактов правонарушения, занятие позиции осуждающей стороной.

В отношении функции призыва принять определённые действия следует отметить её рекуррентно-кумулятивный характер, так как она повторяется в одном и том же тексте, и пропозиции высказываний, которые её реализуют, выражают различные действия, как было проиллюстрировано выше примерами при описании перформативных маркеров данной дискурсивной стратегии.

В подтверждение предложенной интерпретации характера данной функции приведём, тем не менее, фрагменты из одного текста – заявления министра иностранных дел Австралии.

Australia condemns the aggression and calls on Russia to release the detained Ukrainian sailors and seized vessels without delay. We also call on Russia to allow free and unencumbered passage of Ukrainian and international ships through the Kerch Strait and Sea of Azov. We call on Russia to respect Ukraine's sovereignty and territorial integrity within its internationally recognized borders, including its territorial waters [10].

Посредством дискурсивной функции «апеллирование к осознанию фактов правонарушения» порицающая сторона стремится вызвать у реципиента текста эмпатию к пострадавшей стороне. Содержательно это проявляется в приведении фактов, подробностей, лишений, которым подверглись или продолжают подвергаться жертвы правонарушителя. Примерами данной функции могут служить следующие фрагменты: Kremlin is now using onerous 'foreign agent' laws as a pretext to silence RTF / RL in Russia, pursuing court cases and fines surpassing \$ 1 million since January 14 [11]. It is appalling that Alexey Navalny has been detained on arbitrary charges [20]. Reports that Russian vessels rammed and fired on the Ukrainian ships, injuring Ukrainian crewmen [21]. Наиболее показательным является в этом плане фрагмент из заявления Майкла Помпео по поводу притеснений гражданского населения Крыма.

Over 80 individuals from Crimea, including members of the Crimean Tatar community, have been imprisoned by Russia – and some subjected to torture – for peaceful opposition to the occupation. Members of the Crimean Tatar community continue to experience unjustified raids on their homes and mosques, surveillance and intimidation by occupation authorities, restrictions on cultural events, and the criminalization of their representative body, the Mejlis. Russia has forcibly conscripted nearly 20, 000 Crimean men, in violation of international law. Occupation authorities severely limit religious freedom, target religious believers with bogus terrorism charges, and seized the Orthodox Church of Ukraine cathedral in Simferopol [13].

Как следует из примеров, эта функция может быть и сингулярной, и кумулятивной.

Дискурсивная функция «занятие позиции порицающей стороной» представляет собой заявления в качестве символических санкций. Цель этой функции – способствовать международному сотрудничеству в сфере восстановления мира и безопасности. В нашем материале она встречается в политических порицаниях, в которых жертвами являются организации. Это по своей природе – сингулярная функция.

Примерами данной функции служат: Together with the United States, the United Kingdom and other European Union member states, and Canada, we are strong supporters of Ukraine's sovereignty and territorial integrity [10]. We reaffirm our strong support for RTF/RL's programming in Russia [11]. The United States ... will maintain sanctions against Russia until it returns control of Crimea to Ukraine and fully implements its commitments under the Minsk agreement [13]. The United States supports Ukraine's sovereignty and territorial integrity within its internationally recognized borders [21].

В следующем заявлении Морган Ортагус представляет США в качестве беспристрастного арбитра, который способствует восстановлению мира и безопасности, обозначая правонарушение как опасное для всего международного сообщества: President's Putin decision creates a s e r i o u s o b s t a c l e to the implementation of the Minsk agree-

ments and the reintegration of the Donbas region [22].

Изучение дискурсивных характеристик публичных макроречевых актов политического порицания позволяет прийти к некоторым частным и более общим заключениям, которые носят прогностический характер и нуждаются в верификации на более обширном и разнообразном материале.

Между дискурсивными функциями и предметом порицания прослеживается определённая взаимосвязь: функция, апеллирующая к осознанию правонарушения, наблюдается в том случае, если речь идёт о нарушении прав человека. Функция «заявление позиции порицающей стороной» присутствует в случаях порицаний, относящихся к государству или его органам. Следовательно, налицо и взаимосвязь между дискурсивными функциями и типом адресата. Функция «призыв к действиям» является универсальной, так как она присуща всем политическим порицаниям, независимо от типа адресата и предмета порицания.

Результаты анализа нашего эмпирического материала позволяют сделать вывод о том, что в данных макроречевых актах реализуется моральный скрипт, основанный на том, что принято считать универсальными ценностями, кодифицированными в международном праве, но адресуются они не ко всем авторам на международной арене, а к одному источнику зла – России, что и позволяет определить их статус как ядерный в демонологической модели внешней политики США и их союзников.

Структурно-содержательная организация публичных макроречевых актов политического порицания: 1) идентификация порицающей стороны; 2) номинация правонарушения; 3) ссылки на инстанции, основополагающие ценности, кодифицированные нормы, договоры и соглашения; 4) обращение к правонарушителю предпринять определённые действия позволяет определить их как вид в рамках ритуального дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришаева Л.И., Катанова Е.Н., Кашкина О.В., Бойко М.Ф. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2009. – 319 с.
2. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: Гуманитарный колледж им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 264 с.
4. Кошкарлова Н.Н. Концепт «диалог» в политическом интервью межкультурного уровня // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – № 1(8). – С. 121–125.
5. Куликова Э.Г., Анистратенко Т.Г. Лингвистические аспекты стратегии и тактики создания имиджа политика – URL: [www.po;itstudies.ru./forum](http://www.po.itstudies.ru/forum).
6. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. – 2006. – № 7. – С.35-77.
7. Поцелуев С.П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: автореферат дисс. докт. филол. наук., Ростов, 2010. – 45 с.
8. Рясина М.А. Стратегии политического медиадискурса (на материале электронных СМИ ФРГ): дисс. канд. филол. наук, Самара, 2014. – 187 с.
9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (Общие проблемы, метафора). – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. – 194 с.
10. Marise Payne. Financial sanctions and travel bans in response to Russia's continued aggression against Ukraine. – Media release, 18 March 2019. – URL: <https://2017-2021.state.gov/>.

11. Bipartisan senators condemn Russia's crackdown Free Europe/Radio Liberty. – March 12, 2021. – URL: <https://www.coons.senate.gov/news/press-releases/bipartisan-senators-condemn-russias-crackdown-on-radio-free-europe/radio-liberty> .
12. Church E.L. Epideictic without the praise: A heuristic analysis for the rhetoric of blame. – PHD Dissertation: Bowling Green State University, 2010.
13. Michael R. Pompeo. Crimea is Ukraine. - February 26, 2020. – URL: <https://2017-2021.state.gov/>.
14. Gitlin T. BDS and the politics of 'radical' gestures. – October, 28, 2014. – URL: <https://www.opendemocracy.net/told-gitlin/bds-and-politics-%E2%80%99radical%E2%80%99-gestures>.
15. Kampf Z., Katriel T. Political Condemnations: Public Speech Acts and the Moralization of Discourse. The Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective. – New-York: Routledge, 2016.
16. Keenan T. Mobilizing shame // The South Atlantic Quarterly. – 2004. – № 103. – Pp. 435–449.
17. Lakoff R.B., Shiffrin D., Hamilton H. Nine ways of looking at apologies: The necessity for interdisciplinary theory and method in discourse analysis. – London: Blackwell, 2001. – Pp. 199–214 .
18. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – Berlin: Zone Books, 2007.
19. Noy C. 'I was here!': Addressivity structures and inscribing practices as indexial resources // Discourse Studies. – 2009. – № 11 (4). – Pp. 421–440.
20. Press release. Russia: UK condemns arbitrary detention of Alexey Navalny. – 18 January 2021. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/russia-uk-condemns-arbitrary-detention-of-alexey-navalny#:~:text=>
21. Michael R. Pompeo Russia's Dangerous Escalation in the Kerch Strait. Press statement. – November 26, 2018. – URL: <https://2017-2021.state.gov/>.
22. Morgan Ortagus. Russia's Decision to Grant Expedited Citizenship to Residents of Russia-controlled Eastern Ukraine. – April 24, 2019. – URL : <https://2017-2021.state.gov/>
23. Schroeder M. Bezuege auf die Adressierten als Handelnde in der oeffentlichen polititischen Rede. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. – Pp. 46–60.
24. Searle J.R. A Classification of illocutionary acts // Language in Society. – 1976. – № 5. – Pp. 1–23.

SPEECH ACTS OF POLITICAL CONDEMNATION

© 2022 Svetlana P. Anokhina

Togliatti State University. Togliatti, Russia

This article analysis discourse features of political condemnations as public macrospeech acts. Combining speech act theory and discourse analysis, the author has described discourse strategies represented in our texts: performative markers of disapproval; linguistic devices intensifying the sense of transgression, and strategies establishing the condemner's authority. The investigation of our texts has also enabled to define the nature of their main discourse functions: calling for actions addressed at the transgressor or to both parties involved in conflict which is recurrent-cumulative; raising awareness and taking a state which are singular. These two functions are represented in various combinations with each other or with the function "Calling for actions." As a result of the analysis we argue public macrospeech acts of political condemnation to be interpreted as a core in the demonological model of the foreign policy.

Keywords: political condemnation, discourse strategy, discourse function, public macrospeech act.